

СРЕДИ ТЮРКСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

Сообщеніе Н. Ѳ. Катанова,

члена-сотрудника Императарскаго Русскаго Географическаго
Общества

(Читано въ общемъ собраніи И. Р. Г. О. 19 мая 1893 г.).

144503
Будучи командированъ для этнографическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій тюркскихъ племенъ Географическимъ Обществомъ и Академіей Наукъ, я направился въ декабрѣ 1888 года черезъ г. Минусинскъ, Енисейской губерніи, въ верховья Енисея, гдѣ изслѣдовалъ до осени 1889 года бытъ и языкъ Урянхайцевъ, называемыхъ также Сойонцами, Саянцами и Сойотами; оттуда черезъ верховья р. Кантегира, лѣваго притока Енисея, и г. Красноярскъ направился къ верховьямъ рѣкъ Агула, Бирюсы и Уды, гдѣ вплоть до апрѣля 1890 года занимался изслѣдованіемъ быта и языка племени Карагасовъ, родственнаго Урянхайцамъ; съ верховьевъ названныхъ трехъ рѣкъ я поѣхалъ русскимъ трактомъ черезъ г. Нижнеудинскъ, Иркутской губерніи, въ Семирѣченскую область, откуда черезъ г. Чугучакъ лѣтомъ 1890 г. отправился въ г. Урумчи, резиденцію губернатора провинціи Гань-су-синь-цзянь; зиму и весну 1891 года я провелъ въ округѣ Тарбагатай, а лѣтомъ, по полученіи охраннаго листа изъ Пекинскаго цзунъ-ли-ямыня (палаты внѣшнихъ сношеній), снова отправился въ Гань-су-синь-цзянь и на этотъ разъ доѣхалъ до селенія Мяо-эръ-гоу (высокій монастырь), находящагося немного восточнѣе г. Хами; изъ Хами въ мартѣ 1892 г. я направился черезъ гг. Турфанъ, Урумчи и Кульджу русскимъ трактомъ въ Минусинскій округъ Енисейской губерніи, откуда вер-

нулся въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1892 года, пробывъ такимъ образомъ въ путешествіи четыре года.

Въ Семирѣченской области я занимался изслѣдованіемъ быта и языка русскихъ казакъ-киргизовъ и сартовъ; въ округѣ Тарбагатай изслѣдовалъ бытъ и языкъ китайскихъ казакъ-киргизовъ колѣнъ Кирей, Аргынъ и Найманъ; въ провинціи Гань-су-синь-цзянь изучалъ бытъ и языкъ китайскихъ татаръ, говорящихъ на такъ называемомъ джагатайскомъ языкѣ и живущихъ въ городахъ Хами, Логученѣ, Турфанѣ, Аксу, Урумчи и Гученѣ; наконецъ, въ Минусинскомъ округѣ я записывалъ шаманскія молитвы и народныя преданія Сагайцевъ, Бельтировъ и Качинцевъ и описывалъ бытъ этихъ трехъ племенъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Абаканскихъ или Минусинскихъ татаръ ¹⁾.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе всего обширнаго этнографическаго и лингвистическаго матеріала, собраннаго мною за 4 года, я останавлиюсь лишь на нѣкоторыхъ памятникахъ народнаго творчества тюркскихъ племенъ Сѣверной и Средней Азіи, именно на такихъ памятникахъ, которые рисуютъ религіозныя возрѣнія, бытъ и нравы названныхъ племенъ и отношенія ихъ къ сосѣднимъ народамъ.

І. Урянхайцы.

Урянхайцы кочуютъ въ долинахъ рѣкъ Бей-хема, Улугъ-хема и Бомъ-Кемчика, занимаются скотоводствомъ и отчасти хлѣбопашествомъ. Въ административномъ отношеніи они составляютъ 5 хошуновъ (знаменъ), управляемыхъ ухеридами подъ наблюденіемъ

¹⁾ Самымъ древнимъ тюркскимъ языкомъ имѣвшимъ письменность, я считаю Уйгурскій. Остатки Уйгурскаго народа сохранились среди Урянхайцевъ Сѣверной Монголіи. Буряты называютъ Урянхайцевъ „Хойръ“, а Дархаты—„Уйгуръ“. („Очерки Сѣверо-Западной Монголіи, Г. Н. Потанина. Вып. IV. Спб. 1883“. Стр. 119). Съ Урянхайскимъ нарѣчіемъ, слѣдовательно, и съ Уйгурскимъ, сходны языки карагаскій и якутскій; нарѣчія минусинскихъ татаръ сходятся всѣ съ нарѣчіемъ барабинскихъ татаръ. Заимствованныя слова есть у всѣхъ племенъ, такъ напр.: 1) Монгольскія слова есть во всѣхъ Абаканскихъ нарѣчіяхъ, урянхайскомъ, карагасскомъ и якутскомъ; 2) Маньчжурскія слова—въ якутскомъ, урянхайскомъ, и въ нарѣчіяхъ китайскихъ татаръ (въ послѣднихъ двухъ только административныя); 3) Китайскія слова—во всѣхъ нарѣчіяхъ китайскихъ татаръ, преимущественно хамійскихъ; 4) Арабскія и персидскія—въ нарѣчіяхъ всѣхъ татаръ, исповѣдующихъ исламъ, отчасти и въ нарѣчіяхъ алтайскихъ и кузнецкихъ татаръ (въ послѣднихъ двухъ только названія предметовъ торговли); 5) Русскія—въ нарѣчіяхъ всѣхъ русскихъ киргизовъ, татаръ, карагасовъ и якутовъ.